

Лань Цзыцзюнь, всегда славившийся своей исключительной брезгливостью, на этот раз совершенно не заботился о том, что пачкается в чужой крови. Он бережно перенёс раненое Живое непостоянство в свою спальню.

Когда они принялись снимать с юноши окровавленные одежды, Хуа Тянь обомлел. Он открыл было рот, сиюсья расспросить о случившемся, но слова застряли в горле. Всё тело Живого непостоянства покрывали жуткие рубцы и порезы. Старые раны ещё не успели затянуться, как поверх них уже легли новые — от этого зрелища сердце невольно сжималось. Сколько же тайн скрывало это тяжёлое одеяние? И ведь этот израненный человек совсем недавно нёс Хуа Тяня на спине... Как он умудрялся так тепло и искренне улыбаться, преодолевая подобную муку?

В комнате воцарилось мёртвое молчание, нарушаемое лишь тихим, упрямым потрескиванием догорающей свечи. Хуа Тянь не мог отвести взгляда от израненного тела. На душе у него было тяжело, а сердце сжималось от жалости.

— Удивлён? — бесстрастно обронил Лань Цзыцзюнь. — Небось впервые видишь столь убогое зрелище?

— Что ты сказал?! — Хуа Тянь не поверил собственным ушам.

Какое ещё убожество? Как у него язык повернулся назвать это тело грязным или убогим? В груди Хуа Тяня клокотала лишь щемящая тоска и бесконечная жалость.

Лань Цзыцзюнь равнодушно отвернулся:

— Постель испачкана. Я посплю в другой комнате.

Хуа Тянь поспешно преградил ему путь. Ему хотелось расспросить Лань Цзыцзюня подробнее, но больше всего он боялся, что Живое непостоянство просто истечёт кровью.

— Поймай, не уходи! А с ним-то что делать?

— В шкафу полно снадобий. Ищи сам, — бросил Лань Цзыцзюнь. Он махнул рукой и ушёл не оборачиваясь, словно выполнил работу бездушного носильщика: доставил груз и был таков.

Хуа Тянь не мог позволить себе подобной небрежности. Ему волей-неволей пришлось возиться с этим «горячим углем».

Он в панике бросился к комоду, выгребая оттуда бесчисленные склянки, пузырьки и коробочки, но тут же растерялся — в медицине он не смыслил ровным счётом ничего. С трудом разобрав надписи на наклейках, Хуа Тянь наконец отыскал кровоостанавливающий порошок. Однако раны покрывали тело юноши столь густо, что он долго не решался даже прикоснуться к нему. Измучившись и изрядно повозившись с бинтами, Хуа Тянь без сил опустился на край

постели. Лишь когда дыхание Живого непостоянства выровнялось и стало спокойным, Хуа Тянь облегчённо выдохнул, прилёг рядом с ним прямо на край кровати и мгновенно провалился в сон.

На рассвете небо, напоминавшее разбавленную тушь, окрасилось первыми серыми красками, а затем из-за горизонта медленно выкатилось ярко-рыжее солнце, похожее на спелый яичный желток, открывая новый день. Но Живое непостоянство проснулось вовсе не от первых робких лучей. Его разбудил оглушительный храп спящего рядом Хуа Тяня. Этот храп то взрывался яростным громом, то переходил в тонкий, сверлящий уши свист. Если бы раненый не пролежал всю ночь в глубоком беспамятстве, он наверняка не сомкнул бы глаз.

Едва придя в себя, Живое непостоянство почувствовало, как чьё-то горячее дыхание щекочет ему шею. Окончательно протрезвев от сна, он ощутил навалившуюся на него тяжесть: кто-то бесцеремонно разлёгся поверх него, шумно причмокивая во сне. Живое непостоянство не на шутку испугалось. Потеряв сознание накануне вечером, он понятия не имел, что произошло и кто мог оказаться с ним в одной постели. Осторожно приоткрыв один глаз, он уткнулся взглядом в небритую физиономию Хуа Тяня, по подбородку которого стекала сонная слюна.

Немного поколебавшись, Живое непостоянство робко протянуло руку, намереваясь вытереть слюну с лица спящего, но не успело коснуться кожи, как наткнулось на тяжёлый, свирепый взгляд. Хуа Тянь с детства страдал отвратительным нравом по утрам. Отец поднимал его спозаранку работать в кузнице, парень вечно недосыпал и теперь дорожил каждой минутой сна. Если ему не давали выспаться как следует, он весь день ходил мрачнее тучи. И сейчас его открывшиеся глаза горели неподдельной злостью, уставившись прямо на испуганное Живое непостоянство.

Приподнявшись на локтях, Живое непостоянство так и замерло с неловко поднятой рукой, не зная, куда её деть. Мягкие лучи раннего летнего солнца тихо ложились на постель, окутывая их уютным теплом.

— Ты чего вскочил? Ну-ка ложись обратно, — буркнул Хуа Тянь, мгновенно сменив гнев на милость и добродушно ухмыльнувшись.

— У тебя... слюни, — едва слышно прошептало Живое непостоянство, смущённо опустив голову.

— А? Что ты там бормочешь? — не расслышал Хуа Тянь и подался вперёд, почти коснувшись его лица.

При дневном свете он смог рассмотреть юношу получше и мысленно содрогнулся: «Господи, ну и уродливый же у него грим!»

Оказавшись так близко к чужому лицу, Живое непостоянство запаниковало. Он принялся судорожно жестикулировать и наконец-то сумел объяснить, что у его спасителя запачкан рот.

— Ой, и правда, слюни, — смущённо проморгался Хуа Тянь и поспешно утрёлся ладонью — пятно уже успело засохнуть. — Хорошо хоть на простыни не накапало. А то брат Цзыцзюнь точно выгнал бы меня спать на пол.

Внезапно в дверь настойчиво постучали.

— Владыка ада, у нас новое дело! Прошу вас принять свиток, — раздался из-за двери зычный голос судьи ада Чжун Ли. Было видно, что тот торопится: дело доставил лично Император Хуагай, а значит, разбирательство предстояло не из простых.

— Дело?! Наконец-то! Иду! — радостно воскликнул Хуа Тянь. Это было его самое первое расследование на посту владыки преисподней, и он прямо-таки сгорал от нетерпения.

Всклокоченный, небритый, со съехавшим набок воротом рубахи, он вихрем промчался к выходу, начисто забыв о приличиях и величии своего сана. И ведь этот вечно неопрятный оборванец ещё недавно воротил нос от убожества Подземного царства и заставил всех затеять тут капитальный ремонт!

— Где оно? Показывай скорее!

Хуа Тянь метался по коридору, высматривая добычу со страстью изголодавшегося волка. Чжун Ли, не решаясь вставить на пути у столь деятельного начальника, поспешно отступил в сторону и указал направление:

— Всё подготовлено в главном зале, господин.

Владыка тут же припустил по переходу, а судья лишь покачал головой и с тихим вздохом последовал за ним.

— Стой! — вдруг резко затормозил Хуа Тянь.

Бежавший следом Чжун Ли едва не налетел на него со спины, больно прикусив язык. Хуа Тянь внезапно вспомнил, что оставил в спальне тяжелораненого гостя, и решил вернуться, чтобы дать тому пару наставлений. Ничего не понимающий судья ада молча потащился обратно за господином.

И не зря: стоило Хуа Тяню переступить порог, как он увидел, что Живое непостоянство уже сползло с кровати и из последних сил пытается пробраться к выходу.

— Куда это ты собрался с такими ранами? — нахмурился Хуа Тянь, бесцеремонно усаживая

беглеца обратно на постель. — У меня тут срочные государственные дела, так что сиди смиренно и поправляйся. Попробуй только сбежать до моего возвращения!

Спорить с владыкой Живое непостоянство не посмело и покорно кивнуло.

Лишь после этого Хуа Тянь со спокойной душой отправился вершить правосудие.

Войдя в просторный зал заседаний, он не обнаружил там Императора Хуагая. Вместо него у судейского стола сгрудились Лань Цзыцзюнь, Бычьеголовый и Лошадиная Сила, увлечённо перешёптываясь о чём-то своём.

Хуа Тянь протиснулся сквозь толпу подчинённых и уставился на лежавшее перед ними пророческое бронзовое зеркало величиной с добрый таз.

— Что тут у вас?

— Суть дела, — Чжун Ли вежливо посторонился, уступая господину лучшее место. — Это зеркало оставил Император Хуагай. В нём отражены все подробности преступления.

Хуа Тянь склонился над сияющей гладью металла. На безупречно чистой поверхности побежали смутные тени, сложившиеся в невероятно чёткий силуэт. Стоило ему разглядеть лицо спящей в отражении девушки, как он потрясённо вскрикнул:

— Инъин?!

Все присутствующие недоуменно переглянулись.

— Из материалов дела следует, что главная подозреваемая — некая Лю Инъин, — Лань Цзыцзюнь с подозрением прищурился. — Ты что, знаком с ней?

— Ещё бы! Мы же с ней вместе выросли! — Хуа Тянь никак не мог поверить своим глазам. Инъин всегда была кроткой, благовоспитанной барышней из приличной семьи. Какое преступление она могла совершить?

— Хм, похоже, в твоём окружении порядочных людей отродясь не водилось, — язвительно бросил Лань Цзыцзюнь.

— Меня можешь оскорблять сколько влезет, но Инъин трогать не смей! — огрызнулся Хуа Тянь. На его лице впервые появилось выражение искренней, неподдельной ярости.

Они с Инъин действительно были невероятно близки — простыми словами «друг детства» их

связь было не описать. Когда Хуа Тянь лишился родителей и остался один на всём белом свете, он едва сводил концы с концами. Лю Инъин тайно подкармливала его, отдавая свои скромные сбережения. Лишь благодаря её доброте он не сгинул под забором от голода. Для Хуа Тяня она была не просто подругой — она была его спасительницей. И ради её спасения он был готов пойти на всё, даже если придётся пожертвовать собственной головой.

Заметив, в какое неистовство пришёл обычно добродушный Владыка ада, Лань Цзыцзюнь благоразумно замолчал.

— Чжун Ли, — Хуа Тянь резко повернулся к судье ада. — Отвечай: в чём именно её обвиняют? Какое ужасное злодеяние она совершила?

— Она грубо нарушила священные заповеди Будды, совершив тягчайший грех, — Чжун Ли почтительно склонился в глубоком поклоне. — На небесах законы Будды непререкаемы. К тому же Император Хуагай лично просил уделить этому делу особое внимание. Ничтожный слуга не осмелился вынести приговор самостоятельно и передаёт дело на ваше усмотрение, господин.

— Не верю ни единому слову! Я лично отправлюсь в мир смертных и во всём разберусь, — отрезал Хуа Тянь.

Упрямства ему было не занимать: если уж он что-то вбил себе в голову, переубедить его было невозможно.

Оставив Чжун Ли приглядывать за преисподней, Хуа Тянь вместе с Лань Цзыцзюнем перенесли в мир людей. Чтобы остаться неузнанным, новоиспечённый владыка натянул широкоую бамбуковую шляпу, облачился в глухой длинный плащ и, повернувшись к спутнику, заговорщически прошептал:

— Ну как? Узнаешь меня в таком виде?

Лань Цзыцзюнь лишь закатил глаза.

— Болван. На тебя сейчас вся таверна пялится.

И действительно: вырядиться в угольно-чёрный траурный балахон и усесться за самый заметный столик посреди оживлённого зала — лучшего способа привлечь внимание было не придумать.

— А что мне ещё оставалось делать? — огрызнулся Хуа Тянь. — Не заявлять же им прямо с порога, что я восстал из мёртвых!

Хуа Тянь шумно втянул в себя лапшу. От этого резкого движения бамбуковая шляпа

соскользнула с его головы и с сухим стуком покатилась по полу. В таверне мгновенно воцарилась мёртвая тишина. Все посетители замерли, во все глаза уставившись на парня, у которого изо рта свисала недоеденная лапшина.

Опасаясь, что его узнают и поднимется паника, Хуа Тянь со страху ткнулся лицом прямо в тарелку и завопил на весь зал:

— Вы обознались! Я не Хуа Тянь! Слышите? Не Хуа Тянь я!

— Ну и дурак...

— Слышь, у него явно не все дома. Посреди ясного дня в такой шляпе расхаживать!

— Мама, а почему этот дядя такой чудной?

По залу прокатился смешок, и таверна вновь наполнилась привычным гулом голосов.

«Погодите... А почему они не кричат от ужаса?» — растерянно подумал Хуа Тянь. Он осторожно приподнял голову и покосился на невозмутимо уплетавшего лапшу спутника:

— Твоих рук дело?

— Надо же, у тебя всё-таки есть мозги, — хмыкнул Лань Цзыцзюнь.

Разумеется, он наложил отвод глаз. Позволить духу покойника явиться живым людям в своём истинном обличье — неслыханное нарушение законов преисподней.

— Брат Цзыцзюнь, ну почему нельзя было сказать об этом заранее? — заворчал Хуа Тянь. — Я же со стыда чуть сквозь землю не провалился!

— Подумаешь. Тебе к позору не привыкать, — фыркнул тот.

— Эй, хозяин, расчёт! — вскипел Хуа Тянь. Найти достойный ответ он не смог, а потому со злостью швырнул медные монеты на стол. В прошлой жизни он определённо знатно насолил этому несносному Лань Цзыцзюню, раз теперь расплачивается за это.

— Эх, Хуа Тянь, сколько лет, сколько зим! А гонору-то у тебя прибавилось, — усмехнулся подошедший трактирный слуга, не спеша забирать монеты. — Небось разбогател и старых друзей знать не хочешь?

Хуа Тянь частенько заглядывал сюда пропустить стаканчик-другой, так что паренёк знал его

как облупленного. Тот лишь недоуменно оглядел своё поношенное чёрное рубище:

— С чего ты взял, что я разбогател? Издеваешься?

Слуга заговорщически подмигнул и кивнул в сторону его спутника.

Лань Цзыцзюнь действительно выглядел вызывающе роскошно: шёлковый халат тончайшей цзяннаньской работы, перехваченные алой лентой волосы, заколотые драгоценной шпилькой с крупным рубином чистой воды. На ногах его красовались расшитые серебряной нитью сапоги, какие не всякий вельможа мог себе позволить. Рядом с этим холёным господином Хуа Тянь казался бродягой.

«И почему у нас, госслужащих одного ведомства, такое вопиющее неравенство?» — горько вздохнул про себя новоявленный Владыка ада.

— Да ладно тебе, — Хуа Тянь весело подмигнул слуге. — Даже если я однажды заимею горы золота, тебя ни за что не забуду. Помнишь, как я подыхал с голоду на улице, а ты вынес мне миску риса? Ты мой вечный спаситель!

Он говорил о пережитых невзгодах так легко, словно грань между жизнью и смертью была для него не важнее обычного обеда. Трактирный слуга лишь добродушно рассмеялся в ответ. Голяки, познавшие всю горечь нищеты, всегда лучше прочих понимали цену взаимовыручки.

Услышав этот короткий разговор, Лань Цзыцзюнь на мгновение смягчился, но тут же вновь нацепил маску полного безразличия.

<http://bllate.org/book/18412/1796456>